

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

ВСЕЛЕННАЯ
ОДНОГО АКТЕРА

Он появился в Ленинграде без малого тридцать лет назад. Любители точных дат могут поправить и назвать год — 1949-й, когда Евгений Лебедев вступил в труппу Театра имени Ленинского комсомола, которую возглавил тогда Георгий Товстоногов.

Одним из событий театральной жизни города стала в то время лебедевская Баба-Яга. Ее ненавидели как персонаж, и — на удивление — она словно пленяла публику, воистину завораживала ее. Не колдовскими своими чарами, но той щедростью красок, что были в актерской палитре. Забавно сегодня вспомнить о той давней работе и радостно вновь видеть в концертах ее привольно-фривольную пластику, слышать разнообразие обертон, то жалостливый, то ехидный, то сатанинский смех, наблюдать за неутомимым желанием завязать очередную складку.

И — как скачок памяти — кокетливо-ханжеская, корсетно-жеманная мадемуазель Куку в «Безымянной звезде». Очень смешно играл ее Лебедев, но горьким, гневно-разоблачительным был тот смех — о заскорузлой в своем одиночестве судьбе поведал нам артист, о человеческой неустроенности и нарушенной гармонии.

Две эти женские роли не стали этапными на актерском пути, но кое-что проясняют в нем: стремление и умение Лебедева проникнуть в тайную тайн человеческого характера, проанализировать истоки гармонии или дисгармонии его. Последнее, по-моему, привлекает актера больше.

Примеров здесь можно привести немало. Между реальной в своей сказочности Ягой, сыгранной в театре на Петроградской стороне, и ирреальной в своем мещанском иступлении, в яростном утверждении своей лжеморали мадемуазель Куку, созданной на сцене Большого драматического, были персонажи разные. Был безвольный жалкий, раскоровавшийся в финале Тихон, срывающимся — от прорвавшегося вдруг бесстрашия — голосом обвиняющий: «Мамынька, вы ее погубили! Вы!» Был матерый боцман Кобза, враг хитрый и лютый. Коренность фигуры придавала ему как бы особую устойчивость, уверенность. Был он и наглым, и язвительно-почтительным, благодетельно-властно оглядывал офицеров, но и умел вовремя выпрямляться «во фронт».

Пройдут годы, и актер вновь встретится с этим персонажем. Сохранив общий рисунок роли, он сыграет Кобзу значительно острее, всесторонне анализируя социальную природу образа, вскрывая духовную его мимикрию. Рельефней внешне и психологически тоньше раскроет Лебедев этого жаждущего власти человека. Одну деталь он сохранит почти неизменной, филигранно отшлифовав ее: раскуривая сигару, которой угостили его офицеры, излишне демонстративно оставит боцман мизинец. И штрих этот скажет многое о родословной персонажа и о стремлении его самоутвердиться, быть в этом высшем свете «на равных» и даже более того.

Не главные вроде бы все это роли. Но так помнишь их, будто видел совсем недавно, помнишь как роли центральные, саккумулировавшие в себе всю полноту драматургических конфликтов, активно влияющие на их развитие.

Может, в этом один из секретов Евгения Лебедева. В своей книге «Мой Бессеменов» он пишет: «Есть великие эпохи и есть короткая человеческая жизнь. Спектакль должен отражать эпоху, но я, актер, отражаю человеческую жизнь!» Славное и многообязывающее признание. Только вот, окидывая сегодня взглядом сыгранные Лебедевым роли, образы, созданные им на сцене, его героев, запечатленных кинокамерой, берусь утверждать, что это признание не во всем отвечает действительности творчества артиста.

Да, в своих работах он воссоздает самобытные человеческие характеры, тщательно прослеживает их судьбы, за конкретным образом он умеет раскрыть целый, зачастую неожиданный человекомир. Он умеет — а это искусство уникальное — перевести образ, а за ним порой и весь спектакль с орбиты, если так можно сказать, частного случая на орбиту земную. Не придавать глобального значения случайному происшествию, событию, но точно увидеть героя во времени, в эпохе, увидеть с позиций сегодняшнего дня. С позиций актера, гражданина Евгения Лебедева раскрыть его судьбу, выявить нити, что тянутся от него и в глубь веков, и к нашим дням.

«Отражая человеческую жизнь», Лебедев фокусирует в создаваемых образах многие социальные проблемы эпох. И, думается, одной из актуальнейших является для него проблема мещанства, его разноликости и живучести. Работа артиста над горьковскими «Варварами», «Мещанами», «Дачниками» — тому свидетельство. Не случайная, а скорее закономерная такая последовательность горьковских ролей в творчестве Лебедева. Монахов, Бессеменов, Двоеточие — разные социальные срезы общества, разные ипостаси мещанства.

О духу первых ролей написано немало. Один из лучших трудов принадлежит здесь перу самого Евгения Лебедева. Скромная по размерам книга содержит уникальный в своем роде анализ образа Бессеменова, тончайших движений его разума и души. С подлинно философской глубиной исследует автор как законы развития мещанства, так и законы актерского творчества. Щедро делится он секретами своей «кухни».

Не знаю, вел ли Лебедев подобно рода записи во время работы над Монаховым. Но в том, что роль жива в памяти артиста, вновь я убедился не так давно. В разговоре зашла речь о «Варварах», и Лебедев — не скажу, заметил ли он это сам, — преобразился внешне, да и внутреннее его самочувствие изменилось. Пронзительно-недоверчивым стал взгляд, напряглась как-то вся его фигура — так тщательно, но тщетно натягивал на себя маску аристократизма и изысканности акцизных Монахов, иначе поведи себя руки — какими-то округло путанными стали их движения.

Мгновенное умение Евгения Алексеевича входить в тот или иной образ, входить именно так — в ходе разговора — известно давно. Но вот надо играть спектакль: задолго до начала Лебедев в небольшой своей комнатке. И гримом сложного у него, как правило, нет. Вспомните: смолянистая борода Парфена Рогожина, рыжеватая, аккуратно подстриженная бородка Монахова, болезненно-сероватая с кажущимися черными губами маска Артуро Уи, а в Ухове, Кристино у нет и того.

Минимален грим и у Бессеменова: густая еще, чуть начинающая редеть борода, усы. Но не в этих приспособлениях главный ключ к образу, он — во внутреннем настрое. Да и помогут разве внешние детали, скажем, в сцене «с дощечкой»? Исчезла дощечка, что вела с улицы в дом. У бережливого, экономного хозяина Бессеменова от гнева прерывается голос, слышат дыхание. За исчезновением дощечки — будто крушение установленных порядков, крушение

мира.

В иной тональности, в другом временном измерении прозвучит тема нарушенного хода жизни в «Дачниках». Недавно созданный образ еще в стадии роста, совершенствования. Лебедевский Двоеточие объединил в моей памяти чеховского Сорина и капитана Шотовера из «Дома, где разбиваются сердца» Бернарда Шоу. Наивность обоих тех героев, неумение жить одного и горькие пророчества о дальнейших судьбах мира другого слились в Двоеточии воедино. За внешним благополучием богатейшего человека, по-детски радующегося природе, — поздно проснувшаяся жажда жизни, энергия, не нашедшая себе выхода, лиризм и горькое ощущение бессмысленности прожитой жизни.

Если во многих своих ролях Лебедев активно боролся с мещанством, такими его пороками, как злость, ненависть, ханжество, безразличие, ограниченность, боролся, исходя «от противного», то в Холстомере он идет в бой «с открытым забралом». В том, как играет Лебедев героя произведения Л. Н. Толстого, видится нераздельность его, лебедевской влюбленности в жизнь с толстовской жадностью к сокам жизни. Мы до физической ясности чувствуем каждое движение этого много повидавшего и испытавшего на своем веку пегого коня, всю его жизнь — от момента рождения (поразительно трепетна здесь пантомима Лебедева) через славу, признание к полному забвению. Погибая, лебедевский Холстомер грустно глянет в зат, словно напоминая о нравственном нашем долге в борьбе с несправедливостью, с жестокостью. В борьбе с тем же мещанством, ибо все это — слагаемые или производные его.

Вспоминая сегодня лишь немногие из ролей Евгения Алексеевича Лебедева, вновь и вновь поражаешься безграничной широте его диапазона, богатству красок актерской палитры. Ему подвластны все состояния человеческой души. Его смех может быть добрым и уничтожающим, грустным и гневно-саркастичным. Как, например, в сатирическом обозрении «Общественное мнение», где Лебедев с филигранно отточенной комедийностью играет отменного демагога Кристино.

Импровизационность, свойственная этой работе, проявилась и в Аристархе Петровиче, состоящем где-то при торговле, — из повести в жанре сатиры «Энергичные люди». Яростен здесь гражданский гнев Лебедева по отношению к этим приспособленцам, людям, духовно нищим, мешающим нам жить. И артист не жалеет красок ярко-сатирических, смело пользуется и эксцентрикой, и гротеском.

Работая большинство лет своей творческой жизни с Г. А. Товстоноговым, Лебедев сегодня, пожалуй, наиболее полно представляет школу этого режиссера, неуклонно добивающегося от актера удивительно-совмещенного характера персонажа и самого артиста. Он добивается глубинного проникновения актера в создаваемый образ и присутствия в этом образе личности его самого, его гражданских позиций. Тогда-то, видимо, образы эти и обретают возможность перехода с одной орбиты на другую, более высокую, с которой виден мир, и можно объективно и страстно говорить о прошлом, настоящем и будущем.

Уникально владение народного артиста СССР Лебедева секретами актерского мастерства, всеми его компонентами. Утром он может играть энергичного и практичного Аристархушку в сатирической повести В. Шукшина, играть «купаясь» в предложенных ситуациях, виртуозно нанизывая одну за другой хитроумные свои находки, а вечером выступить в спектакле по пьесе М. Горького.

...И об этом подумалось сегодня — в день шестидесятилетия артиста.

Ю. КРАСНОВ